

Снег в Сюэигэ ложится слоями, а длинные коридоры причудливо переплетаются. Все постройки, цветы и деревья расставлены почти зеркально, так что если прийти сюда впервые без провожатого, найти покои бессмертного владыки практически невозможно. Однако Шэнь Чжи чувствовал, что дорога под ногами стелется на удивление гладко. Он даже не раздумывал — петлял из стороны в сторону, пока не остановился перед невысоким теремом.

Сбоку от здания находился холодный пруд, от которого веяло стужей, а посреди него высилась беседка. По четырём её углам висели колокольчики, отгоняющие нечисть — именно здесь он впервые увидел Инь Линцзюня.

Эти колокольчики могли по приказу хозяина обнаружить любого чужака; стоило им учуять постороннюю ауру, как они начинали неистово звенеть. Шэнь Чжи, часто бывавший здесь прежде, знал их слабость. Он и покинул собственное тело, чтобы проскользнуть мимо — кто же мог знать, что эта вещь не способна ощутить человеческую душу?

Всё вышло как нельзя лучше: даже когда он демонстративно пролетел над прудом и покружил внутри беседки, колокольчики не издали ни звука.

Шэнь Чжи насмешливо хмыкнул и уже собрался уходить, но вдруг почувствовал странный зуд в пальцах. Он не удержался и задел серебряную кисточку одного из колокольчиков.

— М? — в этот момент кисточка внезапно словно обрела разум. Кончик её свернулся и хлестнул по воздуху рядом с его лицом. Поскольку душа не имела плоти, удар пришелся в пустоту. Кисточка, казалось, осталась недовольна и принялась яростно мотаться из стороны в сторону, будто не успокоится, пока не коснется цели. Только когда Шэнь Чжи без церемоний хлопнул её ладонью, она замерла.

Сердце Шэнь Чжи почему-то дрогнуло, но на лице мгновенно отразилась привычная злобная гримаса:

— Ха, владыка, это ты так выдрессировал безделушку?

Насмеявшись над колокольчиком, он развернулся и зашагал к терему.

Однако, уже собираясь переступить порог, Шэнь Чжи поднял взгляд на двухэтажное здание и внезапно задумался: Инь Линцзюнь всегда был крайне осторожен, неужели он позволит кому попало входить в свои покои? Место выглядит обычным, но кто знает, не расставлены ли здесь повсюду коварные барьеры.

Беда в том, что сейчас он был лишь духом и не мог коснуться предметов, иначе можно было бы кинуть камень и проверить. Шэнь Чжи замер перед запертой дверью, в голове царил хаос, и он вдруг ощутил, что его безумие снова готово вырваться наружу.

Всего лишь громовой барьер, всего лишь душа, превращенная в уголь — Инь Линцзюнь,

неужели ты и впрямь думаешь, что я этого боюсь?

Он слегка прикрыл глаза и протянул руку.

— ...

Снова открыв их, он увидел, что рука осталась рукой, а его душа — в целости и сохранности.

Неужели он переоценил противника? Инь Линцзюнь не поставил защиту в собственном доме? Шэнь Чжи поджал губы, не в силах разобраться в собственных чувствах, и медленно толкнул дверь.

Стоило ему переступить порог, как за спиной раздалось веселое трещание, словно от взрывающихся петард.

Шэнь Чжи нахмурился и обернулся. На полу лежали несколько обугленных листьев, залетевших внутрь от порыва ветра. Глядя на эти черные ошметки, он внезапно почувствовал, как сердце сковал холод.

Значит, громовой барьер всё-таки был?! Как же он тогда прошел?

Не успел он оправиться от изумления, как позади раздался холодный голос:

— Как ты вошел?

Услышав этот тон, Шэнь Чжи перестал обращать внимание на несчастные листья. Он обернулся и увидел лишь назойливую занавесь из бусин, а за ней — еще более раздражающую полупрозрачную штору, скрывавшую человека внутри.

Шэнь Чжи, решившись на вторжение, заранее подготовил ответ:

— Ученик хотел узнать, как чувствует себя владыка. А пришел в таком виде, потому что...

— Я спрашиваю, — перебил его Инь Линцзюнь, голос его звучал глухо и напряженно, — как ты вошел?

Шэнь Чжи понимал: если начнет лгать, его быстро раскусят. Лучше сказать правду и заставить Инь Линцзюня усомниться в надежности собственного барьера. Поэтому он ответил прямо:

— Просто вошел.

— У тебя нет нефритовой таблички? — снова спросил Инь Линцзюнь.

— Нет.

— Пройди еще раз.

Шэнь Чжи приподнял бровь:

— Что?

— Пройди еще раз, — повторил Инь Линцзюнь. — Покажи мне.

Шэнь Чжи подумал: неужели его так задело, что собственный барьер не сработал? Даже такой отрешенный от мира человек иногда бывает на удивление упрямым.

Он был готов на всё, лишь бы владыка не стал допытываться, зачем он проник в покои в облике духа, поэтому послушно повторил свой путь.

Затем, остановившись перед занавесью, он с улыбкой произнес:

— Владыка, вы довольны?

Инь Линцзюнь долго молчал. Хотя их разделяли слои ткани, Шэнь Чжи чувствовал, как взгляд владыки буквально сканирует его тело. От этого ощущения по спине пробежал холодок, хотелось немедленно развернуться и уйти, но ноги словно приросли к полу.

Наконец Инь Линцзюнь произнес сухо:

— Я в порядке, не нужно беспокоиться.

— Но сегодня вы выглядите так скверно, может, стоит позвать даоцзуня... — Шэнь Чжи осекся. Даже сквозь занавеси он услышал сдавленный стон. Инь Линцзюнь, похоже, забыл о присутствии гостя: не в силах сдержать боль, он впился пальцами в свою одежду.

Шорох ткани долетал до Шэнь Чжи, и тот нахмурился. Этот звук раздражал.

— ...Владыка? — холодно позвал он.

Ответа не последовало.

Шэнь Чжи нахмурился еще сильнее и сделал несколько шагов вперед. В облике духа это было просто — он прошел сквозь занавесь и оказался прямо перед Инь Линцзюнем. Он был совершенно не готов к тому, что увидел: на голове владыки красовались рога, напоминающие олени.

Кристально чистые, словно изо льда, они росли прямо из волос Инь Линцзюня, но, как ни странно, смотрелись вполне гармонично.

Шэнь Чжи машинально подумал: что это? Откуда они у него?

Он подался вперед, чтобы рассмотреть лучше, но вдруг почувствовал резкий порыв ветра. Присмотревшись, он увидел серебристо-белый хвост! К счастью, у него не было физического тела, иначе его бы отбросило далеко в сторону.

Теперь он был уверен: Инь Линцзюнь — не человек.

Кто же он тогда?

Он посмотрел на владыку: тот крепко зажмурился, свернувшись калачиком на краю кровати, одной рукой прижимая висок, из которого сочилась кровь.

Шэнь Чжи смотрел на него некоторое время, чувствуя непреодолимое желание коснуться этого человека — своего бывшего учителя.

— Больно... — Инь Линцзюнь открыл глаза. Его светлые зрачки покраснели от боли, он тихо прошептал: — Больно... Шэнь Чжи, мне больно.

Рука Шэнь Чжи зависла в воздухе.

Он должен был удивиться, должен был испугаться: почему Инь Линцзюнь внезапно назвал его имя? Но, глядя на свернувшегося в комок владыку Сюаньлиня, он вдруг вспомнил те дни, когда был его учеником. Туманные воспоминания начали обретать четкость.

Когда он только пришел в Сюэигэ, он не понимал, какие достоинства, кроме красоты и высокого мастерства, есть у Инь Линцзюня. Если говорить мягко — он был далек от мирской суеты; если грубо — ему было на всё наплевать. Он не знал, что зимой нужно одеваться теплее, а летом — легче; не знал, что спать нужно в кровати; не знал, что если вещь потерялась, её нужно поискать...

Ли Хуайфэн не раз предлагал приставить к нему слуг, но Инь Линцзюнь отказывался. Он не говорил обычное «не нужно», а просто смотрел на тебя своими прекрасными глазами, пока ты не забирал слова обратно. Ли Хуайфэн оберегал его как зеницу ока и не смел настаивать.

Однажды Шэнь Чжи, уже став учеником, спросил:

— Учитель, почему вы не хотите слуг? Ради чистоты самосовершенствования?

Он помнил, как Инь Линцзюнь, упражнявшийся в каллиграфии, поднял голову с пятнышком туши на щеке и холодно ответил:

— Зачем мне слуги? Мне не нужно продолжать род.

Что? Продолжать род?!

Закончив, владыка добавил с самым серьезным видом:

— Ты еще мал, тебе тоже не нужно.

— ...

Только тогда Шэнь Чжи понял: Инь Линцзюнь не то чтобы не хотел слуг — он просто не понимал, что это значит! Видимо, Ли Хуайфэн подобрал неудачные слова, и владыка решил, что ему предлагают выбрать супруга.

Шэнь Чжи приложил руку ко лбу:

— Учитель, слуги не для этого... Они просто убирают в доме, стирают одежду...

Инь Линцзюнь посмотрел на него:

— Правда?

— Конечно, — ответил Шэнь Чжи и, склонив голову, улыбнулся: — Впрочем, слуги вам больше не нужны. Я ваш ученик, впредь зовите меня, если что-то понадобится.

Кажется, именно с того дня Инь Линцзюнь полюбил звать его по имени...

— БА-БАХ!

Воспоминания из глубин души начали всплывать, но в этот миг занавеси в главном зале резко распахнулись. Ледяной ветер, подобно клинку, вонзился Шэнь Чжи в спину.

В момент, когда его душа едва не была поражена, в ушах раздался ледяной, убийственный голос:

— Вторгшийся в Сюэигэ умрет!

Это был голос Ли Хуайфэна. Шэнь Чжи почувствовал, как на его душу навалилась тяжесть в тысячу цзиней, перехватывая дыхание. Враг появился внезапно, внимание Шэнь Чжи было приковано к Инь Линцзюню, уклониться он не успевал. Он не знал, сможет ли выдержать удар

при своем нынешнем уровне силы...

Он уже приготовился к худшему, как вдруг увидел, что перед ним возникла стройная фигура. Широкий рукав взметнулся, и в мгновение ока атака была нейтрализована.

Шэнь Чжи нахмурился.

Инь Линцзюнь обычно носил двухслойные одежды: легкую белую накидку поверх темного халата с золотым шитьем. Цвета были простыми, но материалы — роскошными, и их было трудно стирать, особенно накидку из небесного шелка.

Сейчас эта накидка была в пятнах крови, почти скрывших изящный узор облаков.

Владыка стоял перед ним, с ледяным выражением лица, с рогами на голове и серебристым хвостом, подрагивающим за спиной.

В такой ситуации Шэнь Чжи должен был нервничать, но вид Инь Линцзюня вызвал у него усмешку. Однако вскоре его лицо снова стало холодным — в зале раздался другой голос:

— Сюаньлинь, отойди.

Голос был до боли знаком. Даже не видя лица, он понял — пришел Ли Хуайфэн. В юности Ли Хуайфэн был к нему добр, но если этот человек угрожает его жизни, Шэнь Чжи не станет церемониться.

Инь Линцзюнь поджал бледные губы и упрямо покачал головой.

Шэнь Чжи не ожидал такой защиты. По идее, он должен был радоваться. Хотя он не понимал мотивов Инь Линцзюня, но если тот противился, даже Ли Хуайфэн не мог ничего сделать. Однако смотреть на жалкий вид владыки было невыносимо — злоба в душе закипала.

Ли Хуайфэн продолжал давить:

— Сюаньлинь, твою тайну никто не должен знать, если только... — он осекся, увидев, как из-за спины Инь Линцзюня выплывает душа. Она двигалась с закрытыми глазами прямо к нему.

Инь Линцзюнь, увидев, что Шэнь Чжи идет на верную смерть, запаниковал. Он протянул руку, чтобы схватить духа, но, разумеется, не смог коснуться его. Он лишь беспомощно смотрел, как душа Шэнь Чжи подплыла к Ли Хуайфэну и была схвачена цепью для удержания душ. Поразительно, но даже скованный цепью, Шэнь Чжи продолжал упрямо двигаться вперед, словно ничего не замечая.

Ли Хуайфэн нахмурился:

— Неужели это блуждание духа?

Так называемое «блуждание духа» — редкий недуг. Душа такого человека часто покидает тело без всяких причин. В отличие от культиваторов золотого ядра, такие люди в бестелесном состоянии лишены сознания: не видят, не слышат и плывут по течению, пока не вернутся в плоть.

Ли Хуайфэн вспомнил, что это ученик старейшины Цинши, который не должен был владеть техниками выхода души из тела.

Шэнь Чжи чувствовал невыносимую боль от цепи, но не смел пошевелиться. Он хотел, чтобы Ли Хуайфэн поверил в «блуждание». Однако внезапно на его слабую душу обрушилась мощная сила, словно желая разорвать её надвое!

Он так и знал! Ли Хуайфэн не поверил. Он не ожидал, что известный своей мягкостью даоцзунь будет так жестоко пытаться ученика, лишь бы проверить его. Если бы Шэнь Чжи хоть раз вздрогнул, его бы разоблачили.

Возможно, Ли Хуайфэн контролировал силу, чтобы не уничтожить его, но боль была нестерпимой.

Сознание Шэнь Чжи угасало.

Но он должен терпеть. Даже если будет больно — он не может здесь провалиться!

Наконец Ли Хуайфэн ослабил хватку и, улыбнувшись, произнес:

— Похоже, действительно блуждание.

Инь Линцзюнь не разбирался в подобных тонкостях, поэтому не знал, что только что пережил Шэнь Чжи. Услышав это, он нахмурился и холодно сказал:

— Отпусти его.

— Разумеется, — ответил Ли Хуайфэн. — Если это просто блуждание, он не знает тайны владыки, зачем мне мучить своего ученика?

Инь Линцзюнь промолчал. Кровь на его виске остановилась, рога и хвост исчезли.

Ли Хуайфэн с тревогой посмотрел на него:

— Ваше Драконье Начало снова нестабильно? Крови в этот раз больше, чем в прошлый. Слышал, тот мужчина, погибший в деле о призрачной повозке в Мочжоу, был знаком вам?

— Призрачная повозка? — переспросил Инь Линцзюнь.

— Это история о призраке женщины, погубившей мужа. Недавно я узнал, что погиб еще один мужчина. Местные называют это делом о призрачной повозке, — сказал Ли Хуайфэн. — Когда местные секты прислали тело, вы ведь взглянули на него? Тогда я заметил, что вы изменились в лице.

Инь Линцзюнь едва заметно кивнул:

— Я думал, та женщина просто сошла с ума.

Ли Хуайфэн вздохнул:

— Вы вините себя, что не распознали одержимость? Не вините себя. Даже мастеру сложно отличить безумие от захвата тела злым духом.

Шэнь Чжи слушал и думал: действительно сложно. Но он как раз из тех немногих, кто мог это сделать. С первого взгляда он понял, что та женщина была полностью поглощена злым духом и её было не спасти. Что ж, долг платежом красен... Кровь должна быть оплачена кровью.

Это и есть «путь», который ему нравится.

А последствия? Какое ему до них дело?

Если бы он сказал об этом Инь Линцзюню, тот, со своей привычкой притворяться святым, всё бы испортил. Пусть уж лучше он сам возьмет на себя роль злодея.

Ли Хуайфэн еще немного утешал владыку, а затем сказал:

— Душа ученика скоро вернется в тело. Я сказал всё, что хотел, а способ стабилизировать Драконье Начало я еще поищу... Не буду вам мешать.

Инь Линцзюнь опустил глаза и кивнул. Шэнь Чжи, хоть и не видел его, почувствовал невысказанную тоску. В этот момент он вдруг понял, что Инь Линцзюнь, при всем своем блеске в Четырех Вратах, подобен узнику: не может сказать лишнего, не может сделать лишнего, целыми днями прозябая в холодном Сюэигэ.

Жалко, но поделом.

Он не знал уровня силы Ли Хуайфэна, но, судя по мощи Инь Линцзюня, тот был как минимум на поздней стадии открытия каналов. Будь у него такая сила, он бы давно летал, где хотел, а не позволял себя запереть.

Ли Хуайфэн ушел. Шэнь Чжи тоже собрался улетать — он понял, что странности владыки никак с ним не связаны.

Однако, прежде чем он успел покинуть зал, позади раздался тихий голос:

— Шэнь Чжи.

На мгновение он решил, что ослышался. Но Инь Линцзюнь добавил:

— Ты прошел сквозь громовой барьер. Ты — Шэнь Чжи.

Шэнь Чжи хотел просто улететь, игнорируя этот бред, пока душа не вернется в тело. Но, возможно, из-за пытки Ли Хуайфэна, настроение у него было скверное. Он остановился, медленно открыл глаза и обернулся.

С момента перерождения он часто видел Инь Линцзюня, но тот всегда был либо безразличен, либо страдал от боли. Он никогда не видел на его лице такой искренней радости, словно после долгой зимы земля вдруг ожила.

Хвост, который он только что спрятал, снова появился, а ясные глаза неотрывно следили за ним.

Шэнь Чжи опешил и вдруг подумал: неужели он проголодался и хочет съесть меня прямо здесь?

Постойте... Драконы едят человечину?

<http://bllate.org/book/18833/1833680>